

Слово същика

**НИКОЛАЙ
БРЕШКО-
БРЕШКОВСКИЙ**

В СЕТЯХ
ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Слово сыщика

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Серия «Слово сыщика»

Выпуск 5

Оформление обложки *Натальи Байдаковой*

Брешко-Брешковский, Николай Николаевич

Б87 В сетях предательства / Николай Брешко-Брешковский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 448 с. — (Слово сыщика).

ISBN 978-5-17-111170-0

Одно из самых блистательных произведений в жанре остросюжетного детективного романа.

Шпионаж, похищения, светские интриги в изобилии присутствуют на его страницах. Операциям русской разведки противостоят разведывательные службы других стран. Тайные пружины и механизмы запускаются деятелями, стоящими за кулисами большой политики. Итог — события в Сараево в 1914 году и мировая война.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111170-0

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Загадочный аббат

Аббат Алоис Манега как-то вдруг, совсем неожиданно, появился на петербургском горизонте.

Не было его. Никто и не подозревал о существовании аббата Манеги. И вот он здесь, на невских берегах, желанный гость в «салонах». Его видят на Морской и Набережной. О нем говорят, и даже очень.

Он был едва ли не наиболее модным человеком сезона. На аббата Манегу приглашали, как приглашают на знаменитого гипнотизера, на Шаляпина и — первое время, когда он был внове, — на гитариста Амичи.

Но что же такое аббат Манега? Увлекательный проповедник, интересный, обаятельный человек или прозорливец, которому дано врачевать мятущиеся, обуреваемые сомнением души?

В обществе он мало говорил и много молчал. Но в этом его молчании было что-то значительное...

Уметь молчать красноречиво — это своего рода искусство. Манега постиг его в совершенстве.

В своей черной сутане, великолепно скроенной, с перехватом в гибкой талии, аббат, учтиво сидя, наклонившись вперед, в каком-нибудь салоне, так и напоминал черную пантеру, спружинившуюся для сильного «броска». Миг, и последует прыжок. Но аббат оставался неподвижным, корректным, непроницаемым, иногда чуть-чуть улыбался... Вздрагивала линия красивых, четко обрисованных губ, вздрагивали усы, мягкие, пушистые, приятно пахнущие.

Дамы спрашивали:

— Монсеньор, — они называли его монсеньором, произведя сразу в кардиналы, — но ведь, кажется, католические священники усов не носят? Не принято?

— У нас принято, — снисходительно улыбаясь, точно объясняя детям какую-нибудь безделицу, отвечал Манега.

«У нас» — это значило в Австрии.

Высокий, стройный, в черной сутане, в черной шляпе и черных перчатках, с профилем ястреба, Манега всем своим обликом походил на зловещую птицу. Скошенный лоб, резкий нос с горбинкою, маленькие уши, плотно прижатые к черепу...

Зачем он приехал в Петербург?

Сам аббат ничего не говорил о цели своего появления. Говорили другие. Вернее, угадывали, потому что никто ничего не знал толком.

Приписывали ему какую-то секретную миссию. Его называли человеком, близким к ватиканским сферам. Утверждалось, что он — правая рука влиятельного князя церкви, кардинала Мерри-Дель-Валь.

Аббат Манега не разлучался с четками, янтарными, крупными. Такие четки носят мусульмане Ближнего Востока.

Аббат холеными белыми пальцами медленно перебирал нанизанные на шелковую нитку «зерна».

Он гулял по городу в сопровождении своей «тени». Этой внушительной тенью была громадная фигура албанца, шествовавшего в нескольких шагах за Манегаю. Экзотическая фигура балканского варвара была такой чужой и чуждой — яркой, почти сказочной — под северным небом, среди шумной кипени Морской и Невского с их европейской толпой и зеркальными витринами...

Горец диких албанских твердынь на макушке бритой головы своей носил маленькую белую войлочную шапочку. За широким матерчатым поясом торчали револьвер —

громадный «кольт» и длинный кинжал. Короткая белая фустанелла (юбочка) пенилась густыми складками, точно газовый тюник танцовщицы. Длинные, белые шерстяные чулки с мягкими кожаными востроносими туфлями до-полняли внешность аббатовой «тени».

— Это он для рекламы привез с собой оперного албанца, — говорили относившиеся скептически к Манеге.

— Это романтично и в этом есть «кашэ», — говорили дамы, заинтригованные Манегою.

Сам он объяснял так:

— Я два года был миссионером в Албании, пропове-дуя слово Божие среди мусульман. Этот Керим — один из «обращенных». Он так привязался ко мне, возлюбленный духовный сын мой, что следует за мною повсюду. Он разо-чаровался в исламе, и теперь это добрый католик...

«Добрый католик» имел вид чрезвычайно свирепый, воинственный. Попытки заговаривать с возлюбленным духовным чадом Манеги ни к чему не приводили. Вращая белками в ответ, албанец нес какую-то невообразимую та-рабарщину. Зато Манега объяснялся с ним совершенно просто. Вообще, аббат владел многими языками. Он произ-водил впечатление воспитанного, с изысканными манерами человека. Это помогало ему в свете, и многие заветные двери охотно перед ним раскрывались.

Манега имел успех у дам. Определенный успех. Для женщины есть что-то пряное в католическом патере, в муж-чине, который носит юбку. Такое же пряное, как в оперном певце, знаменитом художнике, укротителе, тореадоре.

Пользовался ли своим успехом аббат Алоис Манега? Держал он себя с удивительным тактом. Был так учтиво сдержан с теми дамами, что хотели подойти к нему ближе, — право, самая злая сплетница опускала в бессилии руки, невольно прикусив острый, ядовитый язычок.

Манега далек был от желания разыгрывать из себя обольстителя и донжуана в сутане, правда, сидевшей на нем, как хорошо пригнанный мундир кавалериста.

Именно в кавалерии Манега и начинал свою карьеру. Он не считал нужным скрывать, что в ранней своей молодости служил в девятом уланском эрцгерцога Сальватора полку. Но вскоре почувствовал всю суетность шумной светской жизни и решил посвятить себя церкви.

Двухлетняя миссия в диких балканских горах и дебрях, миссия тяжелая, суровая, опасная для жизни, — потому что какой же мусульманин-фанатик откажет себе в удовольствии пристрелить католического патера, — была для него искусом, который он выдержал с честью.

Слушая его, дамы восклицали:

— Подвижник!.. Аскет!

Это была особенная разновидность подвижника, хотившего пальцы с твердыми розовыми ногтями, курившего ароматные сигары. От всей фигуры его исходило благоухание. Мягкие усы были хорошо знакомы с бинтами. Приподнимая сутану грациозным жестом, как шлейф, Манега показывал ноги в щегольских лакированных туфлях с бантами и в шелковых тонких, почти ажурных чулках.

Сплетня, казалось, окончательно приунывшая, воспрянула духом, подняв свою шипящую змеиную голову.

К весне имя аббата Манеги все чаще и чаще сплеталось в гостиных с именем княжны Варвары Дмитриевны Басакиной, имевшей заглазную кличку «синеокой Барб».

В самом деле, княжна была счастливой обладательницей больших синих глаз. Эти глаза с томной поволокой и немного влажной, немного темной окраской век так шли к ее слегка тяжеловатой русской красоте. По отцу княжна была настоящей княжною, хорошей древнетатарской породы. С материнской же стороны текла в ее жилах купеческая кровь. Покойный князь Дмитрий женитьбой на замоскворецких миллионах поправил свои по всем швам трещавшие дела.

От отца княжна Варвара наследовала тонко и тщательно очерченный нос с горбинкой, с нервными, трепещущими

ноздрями. Руки — белые, узкие, с длинными пальцами, с ногтями-миндалинами — она тоже получила от отца. Все остальное: и рост, и волосы, пышные, густые, — все это было уже материнским благословением.

Отец и мать умерли почти вслед друг за другом, когда княжна была еще в Смольном. Единственная дочь, она вместе с громадным наследством получила неограниченную свободу. Она не спешила расстаться с нею, хотя женихов — и завидных женихов — сватался угол непочатый.

У себя на Фонтанке синеокая княжна Барб жила наездом, урывками, девять или десять месяцев в году скитаясь за границей. Ее видели в Судане с каким-то молодым англичанином атлетического сложения. Они путешествовали вдвоем, как супруги. Ездили на верблюдах, спали в пустыне, под звездами африканского неба, в шатрах. Сопровождал их целый отряд проводников-телохранителей из арабов.

Но в Петербурге жизнь синеокой Барб была, как говорят, без сучка без задоринки. Мало выезжала, еще меньше принимала у себя и, зная свою склонность к полноте, придерживалась темных, гладких платьев.

Вот и сейчас, беседуя с глазу на глаз с аббатом в гостиной среди китайских ваз, старинных картин в потускневших рамах и светлой людовиковской мебели с золочеными ножками и подлокотниками, переходящими в головы грифов, княжна — в черном платье. Это скрадывает пышность форм, сообщая всей фигуре что-то монашеское.

В большие зеркальные окна струится погасающий майский день. И все так спокойно и мягко. Солнце загорается бликами на большой, стоящей у окна голубой вазе, обвитой страшным драконом, зажигает теплые, трепетные искорки на орнаментном золоте широких массивных рам с потемневшими холстами.

— Вы скоро уезжаете, аббат?

— Через две, самое позднее — три недели я должен быть в Риме.

— Должны?

— Меня зовут дела исключительной важности. Я и вам, княжна, советую поспешить... иначе...

— Иначе? — подхватила Барб.

Манега, спохватившись, закусил губы.

— Может что-нибудь случиться? — с тревогой спросила княжна.

Он улыбнулся. В оскале зубов, сверкающих, крупных, было что-то хищное. Скошенный лоб Манеги и плотно прижатые к черепу уши делали эту улыбку похожей на улыбку тигра.

Она вдруг погасла. Неподвижный и строгий, почти вдохновенный был Манега.

— Кто знает, как развернутся события? Никто не знает! Один только Бог. Но, во всяком случае, я советую спешить. И если вы, княжна, явитесь в Рим неделю спустя вслед за мною, вы скорее обрадуете его святейшество своим переходом в лоно католической церкви.

— Это было давно моей заветной мечтой... А теперь, благодаря вам...

Большие синие глаза смотрели на Манегу. В этом взгляде были и экстаз, и молитвенное обожание, и самая земная влюбленность к этому «кавалеристу» в черной траурной сутане.

Княжна вспыхнула румянцем. Вся горела. Затрепетали тонкие ноздри. Вздрагивая, поднимались и опускались темные веки. Тяжело дышать, как в душный день перед грозой.

Синеокая Барб стояла на коленях, ловила его руки. Аббат не отнимал их. Упала на ковер шпилька, другая. Распружинившись, волною, тяжелой и плотной, упали волосы...

Гибким кошачьим движением аббат схватил густую прядь этих волос и, скользя пальцами все выше и выше, стиснул их до боли у самого затылка и властно, со зверским выражением, притянул к себе голову княжны. На ресницах ее дрожали крупные слезы. Послушно приоткрылись губы.

Другой рукой Манега взял белый полный подбородок и, надавливая ладонью горло, целовал княжну в губы, долго Целовал... Пока сам не оторвался. Княжна в каком-то истерическом забытье опустилась на ковер и, как Магдалина, закрыв волосами лицо, осталась неподвижной. И только чуть вздрагивали плечи.

Манега побледнел. Горели на щеках два алых пятна. И улыбнулся. Так улыбается, досыта полакомившись человечинной, тигр с окровавленной пастью и с капельками крови на седых «усах».

Манега вернулся к себе в «Семирамис»-отель, напоминающий мрачным фасадом своим гранитный замок.

Обеденное время. Сквозь стеклянные двери доносились тягучие, ноющие звуки румынских скрипок.

Международная толпа нарядным человеческим месивом наполняла обширный вестибюль.

Манега подошел к монументальному, «аршин проглотившему» блондину-портье, расшитому галунами. Аббата и человека с аккуратно подстриженной светлой бородкой в кепи с позументами разделял прилавок, покрытый стеклянной доской. Темные глаза Манеги встретились с холодными, светлыми глазами портье.

— Вы подниметесь ко мне, — тихо сказал по-немецки Алоис Манега.

— Слушаю, господин аббат, — так же тихо и так же по-немецки ответил портье, брезгливо отмахиваясь от лепетавшего ему что-то мальчика в красной рубахе и в шапочке с павлиньим пером.

Манега занимал дорогой номер из двух комнат с ванной. Стук в дверь. Вошел портье.

Хозяин и гость обменялись рукопожатием.

— Я в вашем распоряжении, господин аббат.

— Садитесь, ротмистр Гарднер. Садитесь, курите, вот сигары. Нам есть о чем поговорить.

Адольф, главный портье «Семирамис»-отеля, опустился в кресло.

2. Солдаты великой армии

Откинувшись на спинку дивана, вытянув ноги в лакированных туфельках, играя тупыми по моде кончиками их, аббат молвил:

— Итак, дорогой ротмистр, вы... — нас никто, надеюсь, не подслушивает? — вы со своим паспортом гражданина свободной Гельвеции будете как за каменной стеной. Можно сказать наперед, как бы ни сложилось общее положение, Швейцария останется нейтральной. Что же касается меня, в то время, как вы здесь будете нужны более чем когда бы то ни было, я возьму на себя Рим. Вечный город обещает в самом недалеком будущем сделаться интереснейшим политическим центром.

— Господин аббат говорит с такой уверенностью, словно события уже назрели.

— Натурально, милый ротмистр, события назрели! И еще как! Днем я был в посольствах и здесь, на Морской, и на Сергиевской. Люди, что называется, сидят на чемоданах...

— Странно, — задумчиво произнес ротмистр Гарднер, поглаживая светлую бороду, — никаких предупреждений, все тихо, мирно...

— Перед грозой всегда и солнце светит, и душно, и овладевает сонливость, а потом вдруг все небо заволакивается тучами, сверкает молния, и... вы, надеюсь, понимаете, ротмистр, мое фигуральное сравнение?

— Понимаю, господин аббат. Я готов ко всему, я солдат моего императора и, что бы ни случилось, твердо буду стоять на своем посту. Сколько я вижу, слышу, сколько телеграмм проходит через мои руки! Здесь в этих галунах портье в вестибюле «Семирамиса» я принесу гораздо больше пользы своему отечеству, чем если бы командовал эскадроном и даже целым полком, при этом совершая славные, доблестные подвиги. Я к вашим услугам, господин аббат, что вы хотели мне сказать?

— У вас хорошая память?

— Я вдвойне обладаю «профессиональной памятью».

Вы могли убедиться.

— Отлично! По крайней мере, не надо записывать. Запись должна быть под черепом — это самое надежное. Итак, во-первых, добудьте эту каналю Дегеррарди... Я приказываю немедленно же явиться ко мне. Два дня пропадает. Забулдыга, пьяница, бабник, но отличный агент, силен, каторжная совесть и невероятный наглец. Незаменим на маленькие дела. Я его немедленно командую в Сербию. Там, в Белграде, он поступит в распоряжение милейшего полковника Августа Кнора, щеголяющего такой же самой униформой, как и почтенный коллега его — ротмистр Гарднер. Затем дальше, вы имеете понятия о некоей мадам Карнац, директрисе, или просто содержательнице института красоты?

— Слышал. Где-то на Конюшенной?

— Наведите о мадам Карнац самые точные справки, — предложил аббат Гарднеру. — Она может быть нам очень полезна. Я не думаю, чтобы она являла собою закованную в броню добродетель. Содержательница института красоты — это что-то близкое содержательнице «института без Древних языков». В лучшем случае — отставная содержанка, в худшем — особа с весьма и весьма темным прошлым. Повторяю, эта особа необходима. У нее реставрируют свою увядающую молодость многие светские дамы, жены людей с видным положением. Кстати, узнайте, бывает ли там госпожа Лихолетьева? Затем у этой Карнац имеется сожитель, субъект с внешностью типичного фокусника. Говорят, определенно уголовная фигура. Но своим ремеслом он защищен, как еж иглами или черепаха роговым панцирем. Этот шарлатан позирует на маленького современно-го Калиостро. Он возвращает пожилым и старым дамам не только вторую или третью, но даже первую молодость. Где-то за границей он постиг следующий секрет: препарируют кролика, берут какую-то пленку и свежую, теплую,

влажную от крови натягивают на дряблое морщинистое лицо. Как это делается технически, я не знаю, но, словом, в результате кожа лица обновляется, как у девушки. Этой кроличьей пленки хватает на месяц. Затем — следующая операция в таком же роде.

В холодных, светлых глазах ротмистра Гарднера отразилось удивление.

— В первый раз слышу! Но это колоссально, господин аббат! Пирамидально. Однако неужели это правда?

— Правда! — скрепил Манега. — Этот шарлатан в большом фаворе у тех вельможных старушенций, которым он возвращает их первую молодость. Вы понимаете, такая интимность, такая постоянная зависимость от искусных пальцев господина с внешностью фокусника — все это располагает к излишней откровенности. Человек ловкий, — а в ловкости этого проходимца я не сомневаюсь, — сумеет всегда выудить то, чего мы пожелаем. Войдите с этой достойной парочкой в соглашение. Заинтересуйте их материально. Вы доставите мне на самых ближайших днях точный список всех дам, пользующихся услугами института красоты. Я знаю тем более, что там обдeldываются делишки, ничего общего с наведением красоты не имеющие, включительно до сводничества. Я не пожалею денег, пообещайте аванс. Если они пойдут навстречу нам, в чем я несколько не сомневаюсь, я выпишу предварительный чек на пару тысяч. Дальнейшая плата будет зависеть от их работы. Институт я поручаю всецело вам. Жду список, и очень хотелось бы увидеть в нем имя Лихолетевой.

— Есть, господин аббат! Все будет сделано, — коротко, по-военному, дернул вниз головой ротмистр Гарднер. — Имеете еще что-нибудь приказать?

— Мой милый ротмистр, я ничего не приказываю, я советую, направляю, обращаю ваше внимание. Мы с вами солдаты великой немецкой армии, и каждый из нас служит ей по-своему. Вы, вторым окончивший академию генерального штаба, служите в этой ливрее, ваш покорный слуга —

в сутане аббата. А сколько еще переодеваний, маскарадов, которым позавидовал бы любой сыщик или иллюзионист? Но я не задержу вас, вы сидите как на иголках, да и вправду, ваше отсутствие могут заметить. Как это странно: здесь вы со мной близкий, свой, без маски, а там, внизу — сотни болванов, ничего не подозревающих, распекают вас, тычут свои карточки, серебряную мелочь, требуют корреспонденцию. А ведь набегают, сознайтесь, помимо двойного жалования — из посольства и генерального штаба? Сколько еще наберется чаевых?

— В месяц рублей около трехсот, — произнес эту цифру с видимым удовольствием ротмистр Гарднер.

— Ну, вот, не буду вас задерживать. Последняя моя просьба — дайте телефонный звонок Шацкому и барону Шене фон Шенгауз. Впрочем, нет, не надо... Этот барон с девичьей мордочкой сам забежит ко мне попозже. Столько дел, голова идет кругом, того и гляди все перепутаешь!

— А между тем память у господина аббата колоссальная, я убеждался в этом неоднократно. Помнить все, не записывая, так помнить! В особенности, принимая во внимание тот рассеянный светский образ жизни, который ведет здесь господин аббат...

— Ах, как все это надоело, Гарднер!.. Эти завтраки, обеды, вечера, ужины. Но в интересах дела необходимо везде бывать, все слышать и все видеть. На меня зовут гостей, как на заезжего шпагоглотателя. Пусть! Я смеюсь в душе. Но зато какой драгоценный материал собираю этак походя, случайно, как говорится, кончиком уха. Из этих цветных камешков составляется великолепная сложная мозаика.

Портье Адольф, швейцарский гражданин, оставил не без сожаления в пепельнице добрую половину ароматной сигары. Но не дымить же ею на весь коридор и в вестибюле! Портье должен знать свое место...

Гарднер вытянулся, щелкнул каблуками.

— Имею честь кланяться, господин аббат!